

Ци Жуньюнь, который уже начал успокаиваться, внезапно почувствовал боль в виске. Он поднял руку, сбил палец, которым тот трогал его подбородок, и, не отвечая, направился за ширму к кровати намереваясь лечь спать.

— Супруга, не уходи же! — Сун Цинъи заметил, что за день его законный муж уже привык к тому, что тот называет его «супругой», а себя зовет «мужем». Действительно, трудно было его поддразнить.

А Ци Жуньюнь, оказавшись за ширмой, устался на единственное одеяло на кровати — ведь после брачной ночи служанки всегда стелили два одеяла.

— Почему еще не спишь? — Сун Цинъи обогнул ширму, увидел Ци Жуньюня в нижнем белье, стоящего у кровати, и, прищурившись, спросил с полным пониманием дела.

Услышав его голос, Ци Жуньюнь оглянулся. Вероятно, в выражении лица Сун Цинъи он разглядел намерение подшутить, поэтому сразу развернулся и пошел к выходу.

— Я велю Лин Бао принести еще одеяло.

— Эй. — Сун Цинъи поспешно потянулся его остановить, но не рассчитал силу и притянул к себе. Тонкая ткань нижней одежды сразу позволила ощутить тепло прижавшегося тела и мгновенное напряжение человека в объятиях. — Не надо. Лин Бао с остальными, должно быть, уже собираются спать. Не стоит их тревожить. Мы супруги, нам предстоит прожить вместе остаток жизни. Разве ты боишься спать со мной под одним одеялом? А?

Низкий голос звучал прямо у уха, и чувствительная мочка Ци Жуньюня мгновенно покраснелась. Рука, обхватившая живот, сквозь тонкую ткань передавала тепло, которое казалось обжигающим. Ци Жуньюнь словно вернулся в ту брачную ночь — стыдная, но неизбежная близость.

Почувствовав, как ладонь Ци Жуньюня, лежащая на его руке, нервно сжалась, Сун Цинъи про себя усмехнулся. Его законный муж, стоило тому сбросить маску холодности, всегда реагировал так, что хотелось продолжать дразнить. Разумеется, он не упустил из виду и слишком горячую мочку уха совсем рядом со своими губами.

Он продолжил говорить тем же пониженным голосом и даже в паузе подул на ухо. Человек в объятиях, как и ожидалось, вздрогнул, и затухшее было желание вырваться снова проснулось.

— Мы спали под разными одеялами уже много дней. Твое тело, должно быть, уже в порядке?

Всё это время он хотел дать им обоим возможность привыкнуть друг к другу, да и не хотел, чтобы его муж снова получил травму. Ведь плохое впечатление в будущем могло сильно повлиять на отношения.

Он думал, что Ци Жуньюнь от его слов напрягется, но, хотя тело мужа на мгновение застыло, после короткой паузы он кивнул. Взгляд Сун Цинъи вспыхнул, и он внезапно подхватил Ци Жуньюня на руки и уложил на широкую кровать.

— А! — Ци Жуньюнь испуганно вскрикнул от внезапного действия Сун Цинъи, но тут же его скрыли опустившиеся пологи.

За этой ночью последовало то, о чем не принято говорить.

+++

На следующее утро Сун Цинъи разбудило щебетание птиц за окном. После ночи страстей он выспался, и, даже проснувшись рано, чувствовал себя совершенно бодрым.

В тусклом свете утра, пробивающемся сквозь полог, он взглянул на спящего рядом человека. Позже, когда он помогал мужу привести себя в порядок, он снял с Ци Жунъюня нижнее белье, поэтому сейчас из-под одеяла виднелись плечо и рука с отметинами. Голова с растрепанными волосами тихо покоилась на его плече. Во сне Ци Жунъюнь был почти бесшумным и таким покорным, что вызывал желание ласкать.

Сун Цинъи нежно погладил длинные волосы, рассыпавшиеся по нему. Казалось, это был первый раз, когда он так спокойно смотрел на спящего мужа. В ту брачную ночь они оба рано встали, и у него не было на это времени, а в прошлой жизни — тем более. Секс с мужем был нужен только ради наследника, и, завершив дело, он шел мыться и возвращался во дворец к своей младшей сестре-ученице.

Он тихо вздохнул, словно выдохнул тяжесть с сердца, и, стараясь не шуметь, встал, чтобы одеться. Глядя на утренний свет, вливающийся в окно, он улыбнулся. Сун Цинъи чувствовал, что эта жизнь, начатая заново, приносит радость и счастье каждое утро, когда он просыпается.

Выходя из комнаты, он распорядился, чтобы слуги вошли к мужу только после того, как тот проснется, а сам пошел во внешний зал позавтракать, а затем направился во дворец отца.

Вчера он вернулся поздно и успел лишь рассказать отцу о своих идеях, полученных в доме Ци, попросить людей для работы на мануфактуре и, из-за этого дела, сообщить, что ему придется уехать на мануфактуру на несколько дней. Однако некоторые вопросы, выявленные при разборе старых счетов, нужно было поручить кому-то решить. К сожалению, раньше он никогда не интересовался семейными делами, поэтому, кроме близких слуг, людей, на которых можно было положиться, было мало. Каждый раз, когда требовались люди, приходилось сначала идти к отцу. Но в делах со старыми счетами часто не было доказательств, и только зная результат, он мог восстанавливать ход событий, что было недостаточно для убеждения других.

Но, как говорится, который час, тот и сон. Сун Цинъи пришел к отцу с поклоном, но не успел объяснить причину визита, как отец обрадовал его распоряжением. Суть слов отца сводилась к тому, что Сун Цинъи уже не мальчик, женился и наконец-то поумнел, желая серьезно заняться управлением имением. Завтра, хотя ему и нужно ехать на мануфактуру набираться опыта, семейные дела бросать не стоит. Отец передавал ему в управление две лавки изделий из люли в городе сроком на три месяца. Все лавочники и подмастерья в этих лавках находились в его полном распоряжении. Но отец предупредил: раз он новичок, должен больше слушать мнение старшего приказчика. Чтобы ему было удобнее управлять, отец поручил дяде Наню выделить ему еще двух людей для поручений.

Прекрасно! Только переживал, что людей для поручений слишком мало, а тут отец сам их прислал. Не могло быть лучше. Сун Цинъи, видя облегчение и гордость в глазах отца, сам почувствовал умиротворение.

— Отец, не волнуйтесь, сын обязательно будет учиться и смотреть, не станет бездумно указывать.

Выйдя от отца, Сун Цинъи с людьми, которых дал дядя Нань, и своими слугами съездил в лавки. Хотя формально он был управляющим, Сун Цинъи понимал, что его главная задача —

учиться, поэтому не вмешивался в дела, а лишь в общих чертах ознакомился с ситуацией, после чего повел людей в переулок Наньсян.

Это был тот самый переулок, где он жил в прошлой жизни, когда его только что выгнали из семьи Сун. Он примыкал к кварталу увеселительных заведений, местность была не самой чистой, но здесь ютились многие нищие, карманные воришки и местные главари. Когда его выгнали из семьи Сун, подручные тех двоих избили его и гнали всю дорогу. Ситуация была тяжелой: он был ранен, и после того как его выбросили за пределы владений Сун, он едва мог ползти. Свернувшись калачиком под крышей чужого дома на углу улицы, он потерял сознание, и в конце концов двое братьев-нищих подобрали его и оттащили в переулок Наньсян. Там он встретил одного человека — тоже изгнанника, но попавшего сюда раньше него. Это был мастер по обжигу цвета с мануфактуры люли семьи Су по имени Чжоу Еци. А тот самый человек из семьи Су, который в прошлой жизни соблазнил его младшую сестру-ученицу и погубил его семью, был как раз из семьи Су.

Знакомство с Чжоу Еци вышло довольно забавным, хотя, разумеется, это «забавно» он оценил сейчас, вспоминая прошлое. А в прошлой жизни при их встрече это забавное происшествие едва не стоило Сун Цинъи полжизни.

В переулке Наньсян суеилось множество всякого народа, и мало какой настоящий врач был готов сюда прийти, да и большинство местных жителей не могли позволить себе плату за прием. Поэтому в прошлой жизни, когда братья-нищие принесли Сун Цинъи сюда, он, несмотря на тяжелые травмы, получил лишь несколько простых трав для снижения жара, сваренных в воде, остальное приходилось переживать самому.

Как назло, в лекарственных травах, которые принес младший брат-нищий, затесалась какая-то неизвестная трава. После того как Сун Цинъи выпил отвар, жар спал, но всё тело покрылось сыпью, которая нестерпимо зудела. В то время его сознание было затуманено, он был слаб, мог лишь инстинктивно кататься по полу, пытаясь почесаться, и в итоге в беспорядочных движениях придавил человека, отдыхавшего поодаль. Тем человеком был Чжоу Еци.

Разумеется, обо всем этом он узнал позже, когда пережил тот период.

И на этот раз он приехал в переулок Наньсян именно за Чжоу Еци и теми братьями-нищими.

Вспоминая прошлое, Сун Цинъи свернул в переулок Наньсян и только вошел, как его тут же накрыло смрадом.

Сун Цинъи поспешно прикрыл нос рукой, а шедшие следом слуги тоже с отвращением зажали носы.

Лю Гуан поспешно заговорил:

— Господин, зачем вы сюда пожаловали? Есть дело — прикажите нам. Здесь слишком грязно, вам лучше не входить.

<http://bllate.org/book/16594/1516509>